

Книги Мейв Бинчи

Зажги свечу

•

Эхо чужих желаний

•

Лето светлячков

•

Хрустальное озеро

•

Уроки итальянского

•

Дом на Тара-роуд

•

«Алое перо»

•

Ночи дождей и звезд

•

Боярышниковый лес

МЕЙВ
БИНЧИ

ЛЕТО
СВЕТЛЯЧКОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44
Б 62

Maeve Binchy
FIREFLY SUMMER

Copyright © Maeve Binchy, 1987
All rights reserved

Перевод с английского Евгения Каца

Оформление обложки Ильи Кучмы

*Ранее роман издавался в двух частях
под названиями «Замок мечты. Незваный гость»
и «Замок мечты. Лето моей надежды».*

ISBN 978-5-389-30794-0

© Е. А. Кац (наследники), перевод, 2008
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Косые солнечные лучи ворвались в окно и осветили барную стойку. Кейт Райан умудрилась вытереть ее тряпкой, одновременно сбрасывая домашние туфли и надевая резиновые сапоги. Она засунула сумку под стойку и открыла дверь на кухню, стремясь удостовериться, что Эдди и Деклан не мучают новую служанку. У девушки были красные глаза и грустное лицо; она тосковала по своей деревне. Если бы Эдди и Деклан показали себя во всей красе, служанка могла бы сбежать обратно. Но чары черепахи были слишком сильны, хотя прошло уже три недели, как она появилась. Дети лежали на животах, кормили черепаху листьями капусты и орали от восторга, когда та принимала угощение.

— Джон, — крикнула она, — спустись в бар! Я должна сходить за реку и посмотреть, что задержало близнецов. Им нужно привести себя в порядок перед концертом, а их и след простыл.

Джон Райан застонал. Поэтическое настроение снова исчезло. Бедняга надеялся побыть час-другой в одиночестве и уделить время собственным стихам.

— Еще минутку, — сказал он, надеясь не упустить мысль.

— Нет, иначе они опоздают. Послушай, возьми с собой бумагу и карандаш. Вряд ли кто-нибудь придет, но за стойкой должен кто-то быть.

Дверь хлопнула, и Джон Райан из окна спальни увидел, что жена бежит к пешеходному мостику напротив пивной. Она перелезла через забор как девчонка, а не женщина за тридцать. Впрочем, летнее платье и резиновые сапоги действительно делали ее похожей на девочку. Кейт шла искать близнецов в развалины дома, который назывался Фернскорт.

Джон вздохнул и спустился в пивную. Он знал, что были трактирщики-поэты, знал, что были люди, писавшие ангельские стихи даже в вонючих окопах. Но он к их числу не относился.

Джон Райан двигался неторопливо. Это был крупный мужчина с пивным брюшком, которое незаметно появилось за годы, проведенные за стойкой. Так же, как и дряблый двойной подбородок. На свадебной фотографии запечатлен другой человек, более худой и энергичный, и все же во внешности Джона еще оставалось что-то мальчишеское. У него были пышная грива песочных волос, лишь слегка тронутых сединой, и густые брови, которым при всем желании не удавалось придать грозное выражение даже тогда, когда близилось время закрытия или Джону сообщали, что его дети совершили очередное хулиганство.

Он часто говорил, что жена со дня свадьбы почти не изменилась. Кейт это нравилось, но она отвечала, что это всего лишь грубая лесть с целью поменьше находиться за стойкой. И все же это была правда. На фотографии была изображена девушка с длинными волнистыми темными волосами, подвязанными белой лентой в тон платью и пальто. В тот сырой дублинский день Кейт выглядела настоящей красавицей; Джон не мог поверить, что она согласилась переехать к нему в Маунтферн. В отличие от него, за годы работы у Кейт пивное брюшко не появилось. Она часто говорила мужу, что нет закона, который велит пить с каждым, кто тебя угощает, или наливать себе полпинты после каждого шести пинт, проданных другим.

Конечно, такой негласный закон был, но на женщин он не распространялся.

Джон был младшим из семерых детей Райанов и любимцем матери, которая удивилась и обрадовалась его рождению. С его появлением она уверилась в мысли, что ее семья полна. Насколько Джон помнил, его всегда перекармливали, пичкали сладостями и поили газировкой. В юности бег, прыжки и велосипед, на котором он ездил на танцы за несколько миль, позволяли ему сохранять фигуру. Но раздача напитков в баре, перемежающаяся сочинением стихов, подвижности не способствует.

Джон не знал, хочет ли, чтобы сыновья унаследовали его профессию. Он возлагал на них большие надежды, желал, чтобы мальчишки немного увидели мир и поступили в университет. Поколение его родителей об этом и не мечтало. Их главной заботой было то, чтобы дети хорошо устроились в эмиграции. Конечно, церковь оказывала немалую помощь: из семьи Райанов вышли две монахини и два священника. Но детей самого Джона религия не прельщала. Майкл был мечтательным и задумчивым; из него вышел бы хороший отшельник. А из энергичной Дары — настоятельница монастыря. Практичный Эдди мог бы стать братом-миссионером и учить языческие племена строить хижины и рыть каналы. Деклан еще совсем малыш. Может быть, он стал бы священником где-нибудь неподалеку, где за ним можно было бы присматривать.

Конечно, все это чушь. Никто из них и слышать не хотел о религии. Но все же Джон Райан не представлял себе, что в будущем три сына и, возможно, дочь займутся тем же ремеслом, что и он сам.

Во-первых, им просто не хватило бы для этого места. Как в большинстве ирландских городков, в Маунтферне и без того было слишком много пивных. На главной улице, Бридж-стрит, стояло по меньшей мере три паба. В начале улицы — паб Фоли, который сейчас вряд ли можно было назвать настоящей пивной. На самом деле это была всего лишь стойка, у которой дневали и ночевали дружки старого Мэтта Фоли; там не умели толком обслужить клиента. Дальше — бакалея Конвея, в задней части которой тоже имелся бар. Клиентурой Конвея были тайные пьяницы. Эти люди не признавались, что пьют; они делали вид, будто зашли за пакетом корнфлекса или фунтом муки и выпили по глоточку бренди просто для поправки здоровья. Или чтобы обсудить чьи-то похороны, потому что старый Барри Конвей был по совместительству еще и владельцем похоронного бюро. Когда кого-то хоронили на вершине холма, появлялся повод на обратном пути зайти в бакалею и выпить. А пивная Данна всегда была готова вот-вот закрыться. Пэдди Данн не знал, стоит ли пополнять запасы; он говорил, что со дня на день переедет к брату, владеющему пивной в Ливерпуле. Но ему вечно что-то мешало: то ухудшение положения ливер-

пульской пивной, то рост потребностей местных пьяниц. Пэдди постоянно колебался и пытался вычислить, сколько он получит, если продаст свою лицензию.

Таким образом, у пивной Джона Райана было в маленьком Маунтферне по крайней мере трое конкурентов. Но ею пользовалась вся речная сторона, а особенно здешние фермеры. Она казалась больше и лучше трех остальных; здесь был не только простор, но и более богатый выбор напитков. Кроме того, многим нравилось заодно прогуляться по берегу Ферна.

Джон Райан знал, что ему крупно повезло. Когда он был впечатлительным маленьким мальчиком, никто не отправил его в закрытую монастырскую школу. Никто не помог ему уехать в Америку, где он вел бы такую же тяжелую трудовую жизнь, как два старших брата. По здешним представлениям, его жизнь казалась легкой и мирной; он мог заниматься делом и в то же время писать стихи.

Но жена считала его человеком слишком предсказуемым, обстоятельным, педантичным и неповоротливым; ей казалось, что люди должны делать несколько дел одновременно.

Джон хотел либо писать стихи, либо подавать напитки; он не мог молниеносно переключаться с одного на другое. В отличие от Кейт. Та умела переключиться на детей в любое время. Что бы с ними ни случилось, плохое или хорошее. И таких быстрых смен настроения у него тоже не было. Он не мог рассердиться, а через несколько минут улыбаться как ни в чем не бывало. Если уж он сердился, то сердился по-настоящему. Такое происходило редко, но метко. Гнев и тяжелую руку отца помнили долго, в то время как материнские вспышки, случавшиеся по десять раз на дню, благополучно забывались.

Джон, раздосадованный непоседливостью жены и необходимостью бросить свое нынешнее занятие, вздохнул снова. Он знал, что многие люди в Ирландии ему люто позавидовали бы. Конечно, пивная не приносила такого дохода, чтобы нанять бармена, но сидеть за стойкой без дела и писать стихи тоже не приходилось. Карандаш и бумага остались наверху, так же как и поэтическое настроение. Если бы клиенты увидели его с карандашом и бумагой, то решили бы, что он нажил состояние и решил подбить счета. Впрочем, в этом и так не было смысла.

Внизу сидел Джек Койн из автомастерской, продавший кучу металлолома какому-то недалекому фермеру и обмывавший сделку.

У Джека Койна было лицо хорька и два острых глаза, обшаривавшие все вокруг в поисках выгодного дела. Этот жилистый маленький человечек носился по мастерской либо в замасленном комбинезоне, громко выкрикивая, что именно следует отремонтировать, либо в костюме, показывая новые приобретения, которые называл своим складом утильсырья. Казалось, он никогда не стоял спокойно; даже здесь, в баре, Джек суетливо переминался с ноги на ногу.

— Отличный денек, Джон, — сказал Джек Койн.

— Как и все предыдущие, — ответил Джон, наполняя кружки.

— Но урожаю это не на пользу, — возразил фермер.

— Ну, на всех сразу не угодишь! — рассмеялся Джек Койн, довольный тем, что может продавать подержанные машины независимо от капризов погоды.

Второго такого места для игр, как у детей Маунтферна, не имелось ни у кого на свете. Это был Фернскорт — разрушенный дом на берегу реки Ферн. Его сожгли сорок лет назад, в 1922-м, в Тревожные годы¹. Во время пожара никого из семьи Фернов в доме не было; все уехали оттуда за несколько месяцев до случившегося.

Дети часто спрашивали своих дедушек о пожаре, но сталкивались со странным провалом в памяти. Страсти, которые достигли накала в те годы, со временем улеглись. Ферны и все, что они воплощали, были забыты. Их дом превратился в красивые развалины, прекрасную, но пустую оболочку. И сейчас представлял собой идеальное место, где можно проводить долгие летние дни.

Просторные сады, за которыми когда-то ухаживали садовники Фернов, давно заброшены. Но яблони не знали, что

---

¹ Имеется в виду гражданская война в Ирландии (1919–1923), партизанская война между Ирландской республиканской армией (ИРА) и сторонниками соглашения с Великобританией. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Фернов больше нет. Их узловатые ветви склонялись до самой земли, предоставляя детям еще больше места для игр.

Уцелевшие стены дома обвивал густой плющ. Пристройки, в которых когда-то помещались конюшни, сохранились лучше, чем главное здание. У них еще уцелели крыши, по которым можно было бегать, известняковые арки и хорошо сложенные кирпичные стены. В пору постройки Фернскорта конюшни считались очень важной частью поместья; гости должны были видеть, что они не уступают качеством всему остальному.

Кейт Райан, бодро шагая по тропинке, с двух сторон обсаженной лаврами, услышала крики и смех и невольно вспомнила собственное детство, проведенное в тихом дублинском домике с больной матерью. У нее не было ни братьев, ни сестер, с которыми можно было играть, а на ее подружек косились и заставляли держаться подальше.

По сравнению с ней дети вели жизнь вольную и свободную.

Фернскорт принадлежал им и их друзьям. Конечно, достигшим нужного возраста. Обычная история: малышей вроде Эдди и Деклана нещадно вылавливали и отправляли заниматься своими делами — иными словами, прогоняли восвояси. Потом к мостику приходили мальчики и девочки постарше, и начиналась потеха. Мальчишки под громкие «ох» и «ах» прыгали в воду с уступа и затевали с девчонками возню, после которой те иногда выбирались на берег в мокрых платьях, липнущих к телу.

Для тех, кто приходил в Фернскорт, остальной мир переставал существовать. Лето стояло хорошее, и, как только домашние дела подходили к концу, дети собирались, одевались попроще, шли по Ривер-роуд и переходили мостик перед пивной Райанов. А некоторые даже не обращали внимания на колючки и шли по давно заглохшей тропе с другой стороны реки.

Фернскорт принадлежал всем детям, но был родным домом только для Дары и Майкла. Близнецы делали вид, что это их собственность. Они играли там даже тогда, когда к ним не присоединялся никто другой. У них был старый стол и две сломанные табуретки, принесенные из бара. Кроме того, там имелась и посуда — погнутая вилка, ржавый ножик и несколько щербатых тарелок. Так что устраивать пиры было где. Едва достигнув возраста, позволявшего ходить в Фернскорт в одиночку,

близнецы дружно заявили, что станут жить там, когда вырастут.

Там красиво и близко от дома, деловито сказали Дара и Майкл. Они купят Фернскорт, заведут себе лодку и станут всюду плавать по реке, а не ходить по дороге.

Фернскорт станет их дворцом, их замком, их домом.

Близнецы считали поместье своим собственным, потому что жили с ним рядом, видели его из окон пивной и могли ходить туда каждый день, что летом, что зимой.

Но конечно, они не хотели владеть им одни. Фернскорт принадлежал всем, особенно во время длинных летних каникул, когда даже долгого дня недостаточно для игр, в которые они там играли.

Конечно, никаких игровых площадок там не было, но зато имелись огромные мшистые валуны, потрескавшиеся каменные заборы, пролеты, с которых плющ свисал как занавес, дверные и оконные проемы в уцелевших стенах, а это означало множество мест, в которые можно было забраться, сесть и пошутить.

Девочки создали игрушечный дом в часовой башне, все еще возвышавшейся над конюшней, хотя купола и часов давно не было. Мальчики пользовались длинными лестницами с невысокими ступеньками, почти неразличимыми во мхе и сорняках, для соревнований по прыжкам, которые представляли собой помесь прыжков в длину с чехардой. Требовалось спрыгнуть с как можно большего количества ступенек; тот, кто отказывался от прыжка, грозившего членовредительством, считался девчонкой.

Но дураками близнецы не были. Другим приходилось идти домой, доить коров или купаться. Ни у кого из детей Маунтферна не было такого великолепного места для игр, и никто из них не мечтал сделать красивый разрушенный дом своим.

Кейт видела, что кое-кто уже устремился домой, боясь нахлобучки; нужно было привести себя в порядок перед концертом. Она заметила Томми Леонарда, бежавшего по заросшей тропинке. Книжный и канцелярский магазин Леонарда находился у большого моста, поэтому добраться до него по берегу можно было быстрее, чем по куда более удобной Ривер-руд.

В возрасте Томми не обращают внимания ни на рваную одежду, ни на поцарапанные руки и ноги, с удивлением подумала Кейт. Ей навстречу шла маленькая Мэгги Дейли, лучшая подруга Дары.

— Они идут, миссис Райан, — сказала Мэгги, хорошо знавшая, что мать близнецов направляется к ним вовсе не с официальным визитом. — Думаю, они уже закончили.

— Очень надеюсь, — мрачно ответила Кейт. У Мэгги Дейли были большие тревожные глаза; казалось, она боялась всего на свете. Даже здорового, но совершенно безобидного пса Райанов, которого звали Леопольд. Когда Леопольд просто лежал, греясь на солнышке, Мэгги Дейли смотрела на него с таким ужасом, словно бедняга собирался вцепиться ей в глотку.

За Мэгги шла ее старшая сестра Китти, уже переросшая эту компанию. Китти была слишком взрослой для прятков и салочек. Ей надоело это лето, надоел Фернскорт и игры, в которые они играли, надоело возвращаться домой, переодеваться и идти на концерт. Надоело быть ни взрослой девушкой пятнадцати лет, которая могла надевать красивый красный купальник, сидеть на плоту в окружении толпы друзей и смеяться, наслаждаясь всеобщим восхищением, ни маленькой девочкой, которой доставляет удовольствие каждый день забираться в заброшенную комнату в разрушенной часовой башне или пролезать через трещины в замшелых стенах. Проходя мимо Кейт Райан, Китти Дейли тяжело вздохнула.

— Наверное, вы идете надавать им подзатыльников, — сказала она так, словно от старых родителей, приходивших в Фернскорт, ничего другого ждать не приходилось.

— Ничего подобного, — любезно ответила Кейт. — Я хотела узнать, не принести ли им сюда что-нибудь вкусненькое. Может быть, устроить чайный стол. Я готова на все, чтобы доставить удовольствие своим любимым близнецам.

Китти быстро ушла.

Дара и Майкл пошли в мать. Светлые брови Джона Райана достались разве что Эдди. Близнецы были худыми и жилистыми; возможно, Джон тоже был таким в их возрасте. Но Кейт понимала, что детям не досталась и улыбка Джона, который улыбался даже тогда, когда за ним никто не следил. Все Райаны улыбались одинаково. В том числе и свекровь, которая счи-

тала Кейт неподходящей женой для своего любимчика. Глаза у Дары и Майкла были такими же темными, большими и серьезными, а взгляд таким же пристальным, как у нее самой. Стоило Кейт увидеть свою фотографию, как она начинала плакать и говорить, что выглядит как ведьма из Беарры или ангел мести. Казалось, ее вечно сжигало какое-то беспокойство. Улыбаться в объектив было выше ее сил.

Никто другой этого не замечал.

Зато все замечали, что близнецы представляют собой красивую пару. Особенно летом, когда загорелые мальчик и девочка в шортах и ярких рубашках уходили далеко от дома, изучая каждый уголок Маунтферна и его окрестностей.

Кейт подумала о том, как поведут себя Дара и Майкл, если она станет их ругать. Они должны были вернуться добрых полчаса назад, чтобы успеть подготовиться к школьному концерту. Придется сдерживать досаду, иначе близнецы взбунтуются, откажутся мыться и причесываться, а то и забудут свои роли. Дара должна была читать стихотворение на ирландском языке, а Майкл вместе с мальчиками из монастырской школы петь «Ирландские мелодии» Мура¹.

Молодая учительница мисс Линч относилась к идее концертов с таким энтузиазмом и уделяла их организации столько своего времени, что постепенно каждый житель Маунтферна невольно втянулся в это дело. Обычно монастырские школы для мальчиков и девочек совместных мероприятий не проводили, но старый каноник Моран считал, что один концерт лучше двух, и все соглашались с ним. Так мисс Линч одержала свою первую победу. Концерты проводили в помещении церкви; все участники должны были являться туда нарядно одетыми к пяти часам. Мероприятие начиналось ровно в шесть и обычно заканчивалось к восьми вечера.

Кейт уже почти добралась до Фернскорта. Должно быть, в прежние дни этот дом производил сильное впечатление: трехэтажный, но с очень высокими потолками, широкими окнами

---

¹ *Томас Мур* (1779–1852) — английский поэт-романтик, автор «восточной» поэмы «Лалла Рук» (1817) и цикла «Песни народов» (1818–1827), в том числе песни «Вечерний звон» (в русском переводе И. И. Козлова). В сборнике «Ирландские мелодии» (1807–1834) воспел освободительную борьбу ирландского народа.

и просторными комнатами. Конечно, семья Фернов, несколько поколений которой прожили здесь век с лишним, любила его. Вряд ли кому-нибудь из этих изящных господ приходило в голову, что в один прекрасный день дом превратится в развалины, где будут играть деревенские дети, которых раньше пускали внутрь только с мешками угля или большими кувшинами воды.

Все уже разбежались. В доме оставались только ее близнецы. Что заставило их задержаться? Кейт ощутила досаду. Никакого порядка! Она раздвинула плющ и увидела, что Дара и Майкл сидят на большой поваленной колонне и смотрят в дыры в каменном заборе.

Дети смотрели на то, что происходило вдалеке, и их лица выражали чувство, подозрительно похожее на страх.

Под ними два человека ставили на треноги какие-то приборы, заглядывали в них и делали записи в блокнотах. Потом переставляли треноги и повторяли то же самое.

Кейт остановилась у близнецов за спиной.

— Что это? — шепотом спросил Майкл.

— Теодолиты, — ответила Кейт. — Очень полезное слово для кроссвордов.

— И что они делают? — поинтересовалась Дара.

— Проводят съемку. Определяют уровни. Честно говоря, я сама не слишком в этом разбираюсь.

— Этим теодалистам тут не место, — покраснев от гнева, заявил Майкл. — Мам, скажи им, что это частное владение. Скажи, чтобы они ушли.

— Теодолиты — это приборы. А люди — теодолитчики. Они изучают местность. И Фернскорт — не частное владение. Иначе мы бы не имели права здесь находиться.

— А ты не можешь их спросить, вернутся они снова или будут фотографировать здесь только сегодня? Спроси, мама! — взмолилась Дара. — Ты умеешь задавать людям неудобные вопросы. Пожалуйста!

— В данный момент я могу задать только один неудобный вопрос: я дала вам будильник и велела вернуться в четыре. Сейчас уже половина пятого, а вы все еще здесь. Вот тот неудобный вопрос, который я хочу сегодня задать и получить на него ответ.

Но близнецы не обратили внимания на нетерпение матери; казалось, они ее вовсе не слышали.

— Мы не играли. Просто пытались понять, что они делают... — начала Дара.

— И надеялись, что они уйдут... — закончил Майкл. Близнецы часто договаривали друг за друга.

— Но ничего не поняли...

— И это нам не понравилось.

Кейт взяла их за плечи, заставила вернуться к будильнику и нетронутым сэндвичам и повела к мостику. На другом берегу царил подозрительная суматоха. Эдди и Деклан лежали у края воды и пытались дотянуться до чего-то, плившего по течению на деревяшке.

Новая служанка Карри беспомощно суетилась, мальчишки кричали, и тут Кейт поняла, что черепаха по кличке Морис устремилась в неизвестность.

— Принесите грабли и большую швабру! — крикнула она. Майкл и Дара побежали их искать, довольные тем, что избавились от мертвой хватки и упреков матери. Восемилетний Эдди побагровел, понимая, что ему грозит; Деклану было всего шесть, и ему, как маленькому, прощали все.

Кейт выловила черепаху и с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего, понесла ее в домик из торфа. На глазах у четверых детей и испуганной Карри она вытерла ее чистым полотенцем и положила в сено. Затем безапелляционным тоном велела Карри пойти на кухню и вымыть Эдди и Деклану руки и лица. Тем временем Майкл и Дара отправятся в ванную и через пять минут до блеска надраят шею, уши и коленки. Она говорит про шею, уши и коленки, потому что эти части тела требуют особого внимания, но на всех остальных частях тоже не должно быть ни пятнышка. Это дело потребовало больших усилий, но после тщательного осмотра Майклу и Даре все же позволили отправиться в церковь. Необычно тихие Эдди и Деклан сидели и ждали приговора матери. Может быть, их вообще не пустят на концерт. Не худший вариант. Или отшлепают. Впрочем, едва ли. Если бы их хотели отшлепать, то уже отшлепали бы.

Но такого сурового наказания они не ожидали.

— Все, Эдвард и Деклан, черепахи у вас больше нет. Теперь это моя черепаха. Вы поняли?

Когда Эдди называли Эдвардом, это означало самое худшее.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да, теперь Морис мой. И я могу делать с ним все, что мне нравится. Могу отнести обратно в зоомагазин, где по глупости купила его, подумав, что мои дети способны кого-то любить. Могу съесть. Попросить Карри завтра сварить из него суп.

Дети пришли в ужас.

— А почему нет? — небрежно продолжила Кейт. — Вы пытались утопить Мориса, так почему я не могу его сварить? В конце концов, он всего лишь черепаха.

Глаза Эдди наполнились слезами.

— Ма, мы не пытались его утопить! Просто хотели посмотреть, умеет ли он плавать. А когда увидели, что не очень, то сделали для него плот.

— Спасибо, Эдвард. Ты хочешь сказать, что это был всего лишь несчастный случай по неосторожности?

— Ну да... — Эдди надеялся на прощение, но не был в этом уверен.

— Что ж, раз Морис теперь мой, с ним могут произойти и другие несчастные случаи. Я могу позволить ему упасть в кастрюлю с кипятком или куда-нибудь еще. Впрочем, теперь это вас не касается. Вам запрещается подходить к торфяному домику или к любому другому месту, где он будет находиться.

Деклан заревел:

— Мамочка, не надо варить Мориса! Пожалуйста, не вари мою черепаху!

— Это моя черепаха, — ответила Кейт.

— Ты не имеешь права убивать животных! — разозлился Эдди. — Я все расскажу полицейским. Расскажу сержанту Шихану!

— Пожалуйста. А я расскажу ему, как вы хотели утопить Мориса.

Наступила тишина.

— Не валяйте дурака, — сказала Кейт. — Я не причиню Морису вреда. Но он мой, поэтому играть с ним вы больше не сможете. А сегодня после концерта не получите мороженого у Дейли.

Это было плохо, но могло быть еще хуже. Мальчишки смирились.

— Пойдем, Карри, — продолжила Кейт, сжалившись над семнадцатилетней девушкой, проводившей свою первую субботу вдали от дома. — Немного поправь прическу, и пошли.

— Я пойду с вами? — Лицо Карри просияло.

— Конечно. Неужели ты думала, что мы оставим тебя здесь одну? — На самом деле Кейт решила это только сейчас, увидев потрясение девушки, поверившей, что ее действительно заставят варить черепаху.

— Мэм, вы настоящий джентльмен, — с чувством сказала Карри и побежала надевать чистую блузку и втыкать в прическу еще две шпильки.

Каноник Моран был маленьким, суетливым человеком с бледно-голубыми глазами, подслеповатыми и близорукими. Он думал, что почти все люди от природы добры; это выгодно отличало его от других приходских священников, считавших большинство людей порождениями зла. Среди молодых священнослужителей ходил слух, что Маунтферн — место просто сказочное. И молодой священник брат Хоган тоже считал, что ему крупно повезло. Когда перед концертом каноник Моран садился в красивое большое кресло и ставил на скамеечку часто немеющие ноги, он был счастлив. С жаром хлопал каждому номеру и хвалил всех монахов и монахинь, которых знал поименно. Каноник знал, что присяжный поверенный мистер Слэттери-старший сделал вклад, позволивший церкви сменить ужасные старые шторы на новые. Он знал, что многословных благодарностей отцу и сыну Слэттери не требуется, но зато не скупился на похвалы щедрости владельцев молочной Дейли, приславших пирожные к восьмичасовому чаю, или отличным программкам, напечатанным за счет владельца писчебумажного магазина Леонарда. По субботам каноник начинал отпускать грехи в пять часов, чтобы успеть все закончить к концерту. Брат Хоган знал про веру каноника Морана в то, что доброе слово и благочестивая надежда на лучшее будущее принесут его прихожанам максимальную пользу. А сами прихожане, видя сонные бледно-голубые глаза старого каноника, были уверены,

что он вдобавок еще и глухой и не узнает голосов, шепотом исповедующихся ему в грехах.

Брат Хоган считал Маунтферн городком мирным и дружелюбным. Хотя мечты, которые он питал в семинарии, оказались слишком честолюбивыми, однако молодой священник разделял веру каноника в то, что всюду есть души, заслуживающие спасения, и что в глазах Господа организация концертов для здешних жителей имеет такую же ценность, как миссионерство в языческих странах или руководство клубом для малолетних правонарушителей в бандитском районе большого города.

Считалось, что мистер Слэттери-младший ухаживает за мисс Линч, поэтому он был просто обязан прийти на концерт для моральной поддержки его устроительницы. Молодой человек сидел рядом с Кейт Райан, двумя принаряженными маленькими мальчиками и девушкой с покрасневшими глазами по имени Карри.

— Как хозяину дома удалось избежать этого крупного культурного события? — с завистью спросил Фергус Слэттери.

— Кто-то должен был остаться в баре. Все выглядит так, словно здесь собралась половина графства, но вы не поверите, какое количество мужчин находит предлог выпить, пока их дети выступают на этой сцене, — ответила Кейт.

— Рад за него, — искренне ответил Фергус. — Я не могу сослаться на то, что работаю в субботу вечером. Люди считают, что адвокаты вообще ничего не делают. Но моя контора слишком близко отсюда. Мне поверят только в том случае, если увидят в окне с засученными рукавами.

Фергус лукаво улыбнулся. «Похож на высокого неуклюжего мальчишку, — подумала Кейт, — хотя ему уже двадцать шесть. Или двадцать семь?» Для нее он всегда был неугомонным студентом, приезжавшим домой на каникулы. Хотя теперь Фергус практически полностью вел дела отцовской конторы, ей было трудно смотреть на него как на взрослого. Наверное, в этом была виновата внешность; с его вихрами не мог справиться ни один парикмахер. Рубашки молодого человека тщательно гладила верная экономка Слэттери мисс Пёрселл, но воротнички почему-то всегда криво сидели на его шее. Кейт

ничуть не удивилась бы, узнав, что он покупает рубашки не того размера или неправильно застегивает пуговицы. У Фергуса были темные глаза, и если бы он носил длинные черные пальто, то мог бы выглядеть очень элегантным.

Однако часть очарования мистера Слэттери-младшего заключалась в том, что он просто не мог быть элегантным; этот молодой человек был абсолютно равнодушен к своей внешности и к тому, что все невесты Маунтферна возлагали на него большие надежды.

— Хотите сказать, что пришли сюда без всякой охоты? Несмотря на то что Нора Линч лезет вон из кожи, чтобы произвести на вас впечатление? — недоверчиво спросила Кейт.

— На меня?

— Конечно. Для чего девушке тратить все свои силы на такую ерунду и прозябать в этой дыре? Только для того, чтобы доказать вам, что она чего-то стоит.

— Но почему она доказывает это именно мне?

— Разве вы с ней не встречаетесь? — Мужчины приводили Кейт в изумление. Неужели они действительно так глупы, как кажутся?

— Да, конечно. Мы ходим в кино и на танцы, но это ничего не значит. — Казалось, Фергус искренне недоумевал.

— Ничего не значит? Что вы хотите этим сказать? Только настоящее чудовище может довести девушку до такого состояния, а потом говорить, что это ничего не значит. Знаете, чем старше я становлюсь, тем сильнее верю в правоту монахинь: все мужчины в глубине души дикие животные.

— Но это действительно ничего не значит! — с жаром возразил Фергус. — Мы не любим друг друга, у нас нет общих планов и общих надежд. Мы ничего друг другу не говорили и ни о чем не договаривались. Честное слово.

— Верю, — саркастически ответила Кейт. — О боже, не дай мне или кому-нибудь из моих родных влюбиться в адвоката. Он всегда сумеет защитить себя.

— Но она не думает... — начал Фергус. И в этот момент на сцене появилась ослепительная Нора Линч, сделавшая прическу в салоне «Розмари» и надевшая новое желтое платье, достаточно короткое, чтобы быть модным, и в то же время достаточно длинное, чтобы не вызвать нареканий у каноника,

Бинчи М.

Б 62   Лето светлячков : роман / Мейв Бинчи ; пер. с англ. Е. Каца. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-30794-0

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) прославилась во всем мире после выхода первого романа «Зажги свечу». Книги Бинчи переведены на десятки языков, их совокупный тираж превышает 40 миллионов экземпляров. Бестселлер «Лето светлячков» — ее третий роман, правдиво описывающий, как в патриархальную Ирландию, подобно урагану, вторгается новое время.

1960-е годы. Овдовевший американец ирландского происхождения переезжает с детьми «на землю своих предков», чтобы на территории заброшенного поместья построить роскошный отель. Местные жители с воодушевлением встречают перемены, ведь этот смелый проект открывает перед ними новые возможности. Радуются даже владельцы паба, расположенного напротив будущего отеля, невзирая на риск потерять клиентов. Но вопреки радужным ожиданиям последствия строительства оказываются разрушительными и разделяют жизнь некогда сонного городка на до и после...

Когда книга стала бестселлером, писательница с мужем смогли приобрести дом в дублинском пригороде Долки и назвали его «Коттедж светлячков».

В 2008 году на BBC Radio 4 прозвучала трехчасовая постановка романа в шести эпизодах.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

МЕЙВ БИНЧИ
ЛЕТО СВЕТЛЯЧКОВ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Иготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-ABB-39995-01-R